

Антон Павлович Чехов

Не судьба !

Чехов Антон Павлович
Не судьба !

А. П. ЧЕХОВ НЕ СУДЬБА!

Часу в десятом утра два помещика, Гадюкин и Шилохвостов, ехали на выборы участкового мирового судьи. Погода стояла великолепная. Дорога, по которой ехали приятели, зеленела на всем своем протяжении. Старые березы, насаженные по краям ее, тихо шептались молодой листвой. Направо и налево тянулись богатые луга, оглашаемые криками перепелов, чибисов и куличков. На горизонте там и сям белели в синеющей дали церкви и барские усадьбы с зелеными крышами.

- Взять бы сюда нашего председателя и носом его потыкать... проворчал Гадюкин, толстый, седовласый барин в грязной соломенной шляпе и с развязавшимся пестрым галстуком, когда бричка, подпрыгивая и звякая всеми своими суставами, объезжала мостик. - Наши земские мосты для того только и строятся, чтобы их объезжали. Правду сказал на прошлом земском собрании граф Дублеве, что земские мосты построены для испытания умственных способностей: ежели человек объехал мост, то, стало быть, он умный, ежели же

взъехал на мостик и, как водится, шею сломал, то дурак. А все председатель виноват. Будь у нас председателем другой кто-нибудь, а не пьяница, не соня, не размазня, не было бы таких мостов. Тут нужен человек с понятием, энергический, зубастый, как ты, например... Нелегкая тебя несет в мировые судьи! Баллотировался бы, право, в председатели!

- А вот погоди, как прокатят сегодня на воронных, - скромно заметил Шилохвостов, высокий, рыжий человек в новой дворянской фуражке, - то поневоле придется баллотироваться в председатели.

- Не прокатят... - зевнул Гадюкин. - Нам нужны образованные люди, а университетских-то у нас в уезде всего-навсего один - ты! Кого же и выбирать, как не тебя? Так уж и решились... Только напрасно ты в мировые лезешь... В председателях ты нужнее был бы...

- Все равно, друг... И мировой получает две тысячи четыреста и председатель две тысячи четыреста. Мировой знай сиди себе дома, а председатель то и дело трясись в бричке в управу... Мировому не в пример легче, и к тому же...

Шилохвостов не договорил... Он вдруг беспокойно задвигался и вперил взор вперед на дорогу. Затем он побагровел, плюнул и откинулся на задок.

- Так и знал! Чужало мое сердце! - пробормотал он, снимая фуражку и вытирая со лба пот. - Опять не выберут!

- Что такое? Почему?

- Да нешто не видишь, что отец Онисим навстречу едет? Уж это как пить дать... Встретится тебе на дороге этакая фигура, можешь назад воротиться, потому ни черта не выйдет. Это уж я знаю! Митька, поворачивай назад! Господи, нарочно пораньше выехал, чтоб с этим иезуитом не встречаться, так нет, пронюхал, что еду! Чутье у него такое!

- Да полно, будет тебе! Выдумываешь, ей-богу!

- Не выдумываю! Ежели священник на дороге встретится, то быть беде, а он каждый раз, как я еду на выборы, всегда норовит мне навстречу выехать. Старый, чуть живой, помирать собирается, а такая злоба, что не приведи создатель! Недаром уж двадцать лет за штатом сидит! И за что мстит-то? За образ

мыслей! Мысли мои ему не нравятся! Были мы, знаешь, однажды у Ульева. После обеда, выпивши, конечно, сел я за фортепиано и давай без всякой, знаешь, задней мысли петь "Настоечка травная" да "Грянем в хороводе при всем честном народе", а он услышал и говорит: "Не подобает судии быть с таким образом мыслей касательно иерархии. Не допущу до избрания!" И с той поры каждый раз на встречу ездит... Уж я и ругался с ним и дороги менял - ничего не помогает! Чутьем слышит, когда я выезжаю... Что ж? Теперь надо воротаться! Все равно не выберут! Это уж как пить дать... В прошлые разы не выбирали, - а почему? По его милости!

- Ну, полно, образованный человек, в университете кончил, а в бабьи предрассудки веришь...

- Не верю я в предрассудки, но у меня примета: как только начну что-нибудь тринадцатого числа или встречу с этой фигурой, то всегда кончаю плохо. Все, конечно, чепуха, вздор, нельзя этому верить, но... объясни, почему всегда так случается, как приметы говорят? Не объяснишь же вот! По-моему, верить

не нужно, но на всякий случай не мешает подчиняться этим проклятым приметам... Вернемся! Ни меня, ни тебя, брат, не выберут, и вдобавок еще ось сломается или проиграем-ся... Вот увидишь!

С бричкой поравнялась крестьянская телега, в которой сидел маленький, дряхленький иерей в широкополом, позеленевшем от времени цилиндре и в парусинковой ряске. Поравнявшись с бричкой, он снял цилиндр и поклонился.

- Так нехорошо делать, батюшка! - замахал ему рукой Шилохвостов. Такие ехидные поступки неприличны вашему сану! Да-с! За это вы ответ должны дать на страшном судилище!.. Воротимся! - обратился он к Гадюкину. - Даром только едем...

Но Гадюкин не согласился вернуться...

Вечером того же дня приятели ехали обратно домой... Оба были багровы и сумрачны, как вечерняя заря перед плохой погодой.

- Говорил ведь я тебе, что нужно было вернуться! - ворчал Шилохвостов. - Говорил ведь. Отчего не послушался? Вот тебе и предрассудки! Будешь теперь не верить! Мало того, что

на вороных, подлецы, прокатили, но еще и на смех подняли, анафемы! "Кабак, говорят, на своей земле держишь!" Ну и держу! Кому какое дело? Держу, да!

- Ничего, через месяц в председатели будешь баллотироваться... успокоил Гадюкин. - Тебя нарочно сегодня прокатили, чтоб в председатели тебя выбрать...

- Пой соловьем! Всегда ты меня, ехида, утешаешь, а сам первый норовишь черныков набросать! Сегодня ни одного белого не было, все черняки, стало быть и ты, друг, черняка положил... Мерси...

Через месяц приятели по той же дороге ехали на выборы председателя земской управы, но уже ехали не в десятом часу утра, а в седьмом. Шилохвостов ерзал в бричке и беспокойно поглядывал на дорогу...

- Он не ожидает, что мы так рано выедем, - говорил он, - но все-таки надо спешить... Черт его знает, может быть, у него шпионы есть! Гони, Митька! Шибче!.. Вчера, брат, - обратился он к Гадюкину, - я послал отцу Онисиму два мешка овса и фунт чаю... Думал его лаской умилюстить, а он взял подарки и гово-

рит Федору: "Кланяйся барину и поблагодари его за дар совершен, но, говорит, скажи ему, что я неподкупен. Не токмо овсом, но и золотом он не поколеблет моих мыслей". Каков? Погоди же... Поедешь и черта пухлого встретишь... Гони, Митька!

Бричка въехала в деревню, где жил отец Онисим... Проезжая мимо его двора, приятели заглянули в ворота... Отец Онисим суетился около телеги и торопился запрячь лошадь. Одной рукой он застегивал себе пояс, другой рукой и зубами надевал на лошадь шлею...

- Опоздал! - захохотал Шилохвостов. - Донесли шпионы, да поздно! Ха-ха! Накося выкуси! Что, съел? Вот тебе и неподкупен! Ха-ха!

Бричка выехала из деревни, и Шилохвостов почувствовал себя вне опасности. Он заликовал.

- Ну, у меня, брат, таких мостов не будет! - начал бравировать будущий председатель, подмигивая глазом. - Я их подтяну, этих подрядчиков! У меня, брат, не такие школы будут! Чуть замечу, что который из учителей пьяница или социалист - айда, брат! Чтоб и духу твоего не было! У меня, брат, земские

доктора не посмеют в красных рубахах ходить! Я, брат... ты, брат... Гони, Митька, чтоб другой какой поп не встретился!.. Ну, кажись, благополучно доеха... Ай!

Шилохвостов вдруг побледнел и вскочил как ужаленный.

- Заяц! Заяц! - закричал он. - Заяц дорогу перебежал! Аа... черт подери, чтоб его разорвало!

Шилохвостов махнул рукой и опустил голову. Он помолчал немного, подумал и, переведя рукой по бледному, вспотевшему лбу, прошептал:

- Не судьба, знать, мне две тысячи четыреста получать... Ворочай назад, Митька! Не судьба!